

Жизнь Цзян Шоуяня снова превратилась в череду периодов прояснения и полного помутнения сознания. У него пропало всякое желание выходить на улицу: он снова заперся в четырёх стенах и большую часть времени спал. На самом деле ему нисколько не хотелось спать, но было лень шевелиться, и он попросту не знал, чем себя занять. От избытка сна его мозг начал цепенеть: иногда, глядя на текст в телефоне, ему требовалось довольно много времени, чтобы вникнуть в смысл написанного.

Чэн Цзайе: В Сан-Франциско в последнее время потеплело, даже жарковато.

Чэн Цзайе: [Изображение]

Цзян Шоуянь сперва открыл фотографию: Чэн Цзайе сделал селфи в зеркале. На нём была белая футболка с коротким рукавом и чёрные шорты. Запустив пальцы в волосы, он слегка запрокинул голову, глядя в объектив, и выглядел при этом немного смущённым. Уголки губ Цзян Шоуяня едва заметно дрогнули в улыбке. Закрыв фотографию, он перешёл к текстовому сообщению.

Цзян Шоуянь: Ты дома?

Чэн Цзайе ответил лишь спустя пару минут: Сейчас нет.

Только тут Цзян Шоуянь обратил внимание на время получения первого сообщения — 01:03.

Между ними было пятнадцать часов разницы: их день и ночь вечно не совпадали. Цзян Шоуянь перевёл взгляд на окно. Шёл восьмой час утра, на улице всё заволочло густым туманом. Пока здесь всходило солнце, там, у Чэн Цзайе, оно садилось. Хотя Цзян Шоуянь только что проснулся, он почувствовал, что его снова клонит в сон. Щурясь, он набрал на клавиатуре:

«Ложусь спать».

Чэн Цзайе ответил: Хорошо.

В последние дни формат их общения сводился именно к этому. Когда Цзян Шоуянь чувствовал себя лучше, они созванивались, когда состояние ухудшалось — в основном переписывались. Правда, инициатором почти всегда выступал Чэн Цзайе: он рассказывал о погоде, о том, что надел или что поел, изредка присылал фотографии пейзажей. Но делал это не слишком часто — по одному-два сообщения в день, чётко укладываясь в те рамки, которые Цзян Шоуянь был способен выдержать.

Цзян Шоуянь иногда отвечал, а иногда — нет. Если он молчал, Чэн Цзайе не торопил, если же отвечал, Чэн Цзайе не обременял его лишними разговорами. Но ежедневное «Уже поел?» ровно в полдень стало чем-то вроде негласного договора: стоило Чэн Цзайе написать это, и Цзян Шоуянь обязательно отвечал.

Чэн Цзайе очень долго смотрел на два слова «Ложусь спать» на экране телефона, пока со стороны двери не раздался робкий девичий голос:

— (Не хочешь пойти поесть фруктов?)

Чэн Цзайе обернулся и, слегка наклонившись, сохраняя дистанцию, ответил:

— (Нет, спасибо.)

Девочка не ушла. Потоптавшись на месте и ещё какое-то время понаблюдав за ним, она спросила:

— (Тебе грустно, да?)

Чэн Цзайе опешил.

— (Врач говорит, что если тебя что-то расстраивает, не нужно держать это в себе, нужно выговариваться, — она склонила голову набок. — Хочешь рассказать мне?)

Девочке было одиннадцать лет, она была одной из пациенток программы семейной терапии. Чэн Цзайе уже в пятый раз приходил в её дом вместе с командой доктора Чжоу Цзяня, наблюдая за тем, как специалисты проводят консультации и дают рекомендации всей семье. Возможно, потому, что Чэн Цзайе был лишь сторонним наблюдателем, а возможно — из-за его удивительно тёплого взгляда, но он очень нравился этой девочке.

Чэн Цзайе присел на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне, и произнёс:

— (Мой любимый человек болен. Точно так же, как и ты.)

Девочка соображала быстро:

— (Поэтому ты стал ходить сюда вместе с ними?)

Чэн Цзайе кивнул.

— (А почему ты не попросишь доктора Чжоу вылечить и его тоже?) — спросила девочка.

— (Потому что он не здесь. Он живёт в другой стране,) — ответил Чэн Цзайе.

Девочка немного подумала и сказала:

— (Тогда почему ты не поедешь к нему?)

Чэн Цзайе снова впал в ступор.

— (Он тебя ненавидит?)

Чэн Цзайе покачал головой:

— (Нет, не ненавидит. Я просто не знаю, как мне вести себя с ним, — произнёс Чэн Цзайе. — Я боюсь, что сделаю что-то не так и спровоцирую у него эмоциональный срыв.)

Девочка на мгновение снова задумалась, а затем проговорила:

— (Когда я болею, становится намного легче, когда рядом со мной мама и папа. А если я остаюсь одна, мне становится хуже. — Девочка прижала ладошку к груди. — Когда мне грустно, это похоже на то, будто в самом сердце выросла пара плачущих глаз. Становится очень больно, и я не могу справиться с этим в одиночку. — Девочка посмотрела на него предельно серьёзно и сказала: — Ты отлично справишься. Езжай к нему.)

Чэн Цзайе на какое-то время лишился дара речи, а его сердце защемило от пронзительной грусти и нежности. Поехать к нему? Чэн Цзайе опустил голову, совершенно сбитый с толку. Он действовал настолько осторожно, что до сих пор даже адрес Цзян Шоуяня не решался узнать.

Вечером Ци Чжоу по обыкновению принёс Цзян Шоуяню ужин. В последнее время Цзян Шоуянь стал чуть более разговорчивым, но выглядел всё таким же вялым. Да и память у него стала заметно хуже, чем раньше: часто бывало так, что он тянулся за чем-то, и в ту же секунду напрочь забывал, что собирался сделать.

Ковыряясь палочками в пиале с рисом, Ци Чжоу сказал:

— Линь-гэ наконец-то освободился, да и я тоже взял ежегодный отпуск. Мы хотим воспользоваться этим и съездить к нему на родину, на северо-восток. На Новый год мы оба будем заняты, и такого удачного шанса может больше не выпасть.

Цзян Шоуянь, посчитав есть с журнальный столика неудобным, сидел прямо на полу и ел:

— Вот и поезжайте.

Ци Чжоу впился в него взглядом и замолчал. Цзян Шоуянь прекрасно помнил, что именно пообещал ему ранее: побыть для них двоих третьим лишним и поехать с ними, чтобы немного развеяться.

Цзян Шоуянь со вздохом отложил палочки в сторону:

— Ладно. Только потом не жалуйтесь, что я испортил вам всё веселье.

Ци Чжоу с довольным видом доел рис. Покончив с ужином, принялся убирать мусор и, опустив взгляд, снова заметил коробку с таблетками на журнальном столике. В последние дни он уже не питал иллюзий, что Цзян Шоуянь будет исправно принимать лекарства. У Ци Чжоу хватало забот на работе, и он не мог каждый день стоять над душой, а зная привычки Цзян Шоуяня, тот наверняка бы попил их какое-то время, а потом сам бы всё бросил. От этого стало бы только хуже.

Поэтому, когда Цзян Шоуянь в очередной раз замкнулся в себе, Ци Чжоу насильно отправил его на психологическую консультацию. Кажется, это всё-таки дало свои плоды: несколько дней назад, выйдя из кабинета психолога, Цзян Шоуянь выглядел заметно расслабленнее. Вот только пить таблетки по-прежнему отказывался.

Спустившись на лифте и выбросив мусор, Ци Чжоу отправился домой. В эти дни сильно похолодало. На нём была лишь тонкая рубашка, и на ветру его продуло так, что, вернувшись в квартиру, он довольно долго приходил в себя от пронизывающего до костей холода.

Линь Хуань, в очках в чёрной оправе, сидел, прислонившись к изголовью кровати, и изучал материалы дела. Услышав шум, он бросил взгляд на дверь. У него были тонкие веки, по характеру он был человеком сдержанным. Когда он смотрел на кого-то сквозь стёкла очков, от него всегда веяло холодной отстранённостью.

Ци Чжоу вошёл в спальню и, взяв пижаму, повернул голову в его сторону:

— У нас разве не отпуск? Почему ты всё ещё читаешь дела?

— Было немного скучно ждать тебя, — ответил Линь Хуань.

При одном упоминании об этом Ци Чжоу захотелось тяжело вздохнуть. Он развернулся и сел на край кровати. Линь Хуань немного подобрал ноги, освобождая ему место.

— Шоуянь согласился поехать с нами. Только вот, когда мы поедем к твоим родным, мне будет беспокойно оставлять его одного в отеле, — произнёс Ци Чжоу. — Может, предупредишь своих, и возьмём его с нами?

— Уже предупредил, — ответил Линь Хуань. — И заодно сказал, чтобы за ужином они просто ели и не лезли с расспросами.

Ци Чжоу улыбнулся, потянулся к нему и поцеловал:

— И почему ты меня так хорошо понимаешь?

Линь Хуань снял очки, положил их на прикроватную тумбочку и, выдержав паузу, произнёс:

— Бабушка очень хорошо относилась и ко мне.

Бабушка Цзян Шоуяня, можно сказать, вырастила Ци Чжоу. Её скоростижная смерть не могла не ранить его. А сразу после этого последовала попытка самоубийства лучшего друга: найди они его хоть чуточку позже, спасти бы не удалось. В то время Ци Чжоу тоже приходилось несладко, поэтому Линь Хуань намеренно избегал разговоров о Цзян Шоуяне и его бабушке, чтобы лишний раз не беречь раны возлюбленного.

Ци Чжоу немного посидел в тишине, а затем внезапно сказал:

— Кажется, Шоуянь завёл отношения. Ты в курсе?

Раньше Ци Чжоу не касался этой темы, чтобы не отвлекать Линь Хуаня, который и без того был загружен работой. Но теперь, когда наконец-то выдался отпуск, появилось время высказать то, что так долго копилось на душе. Линь Хуань с лёгким удивлением приподнял брови. Ци Чжоу достал телефон, открыл ленту Цзян Шоуяня в WeChat и протянул ему:

— Ты, наверное, совсем не листаешь обновления. Когда он был в Лиссабоне, выложил пару фотографий.

На самом деле публикаций было всего две. В одной — две фотографии, на которых кто-то снимает Цзян Шоуяня со стороны, а во второй — наполовину съеденное мороженое. По одним только постам ничего нельзя было понять. Главной зацепкой была обложка профиля.

Линь Хуань потянул экран вниз и довольно долго разглядывал иностранца на фоновой фотографии.

— Я до сих пор так и не решился спросить его напрямую, но на фото всё выглядит очень мило, — сказал Ци Чжоу. — Я ещё никогда не видел подобного выражения на лице Цзян Шоуяня.

Сказав это, он несколько раз цокнул языком, но ответа от Линь Хуаня так и не дождался. Ци Чжоу не выдержал и щёлкнул пальцами прямо перед его носом:

— О чём задумался? Аж ушёл в себя.

— Лицо кажется знакомым.

Ци Чжоу удивлённо ахнул, а затем усмехнулся:

— Да ладно тебе, все иностранцы на одно лицо.

Затем он увидел, как Линь Хуань взял с тумбочки свой телефон, немного покопался в контактах и повернул к нему экран. Ци Чжоу уставился на две абсолютно одинаковые фотографии и остолбенел. Он опустил взгляд на сохранённое имя контакта: «Чэн Цзайе (передача имущества, дарение)».

— Гражданин Китая? — изумился Ци Чжоу. — Твой клиент?

Линь Хуань покачал головой и ответил:

— Не совсем.

Хотя прошло уже немало времени, Линь Хуань помнил его: юноша с безупречными чертами лица, который прекрасно говорил по-китайски и был очень вежлив.

— Я тогда только выпустился из университета и проходил стажировку. Участвовал в этом деле вместе со старшим коллегой. — Линь Хуань был на два года старше Ци Чжоу и начал работать раньше.

Он открыл их переписку. Последнее сообщение датировалось 23 августа 2018 года. Тот год, когда Чэн Цзайе исполнилось восемнадцать.

В ноябре на северо-востоке выпал первый снег. Когда самолёт приземлился, снежинки едва кружились в воздухе, но в мгновение ока снегопад усилился. Цзян Шоуянь проспал в отеле два дня. Чем холоднее становилось на улице, тем меньше ему хотелось выходить. Но на третий день отсидеться в номере не получилось. Ци Чжоу вытащил его из натопленной комнаты, разом нацепив на него пуховик, шарф, шапку и перчатки. Цзян Шоуянь лишь молча наблюдал за его действиями.

— Сегодня прилично намело, — сказал Ци Чжоу, — пойдём слепим снеговика?

Цзян Шоуянь походил на разбуженное во время зимней спячки животное: его речь и движения были медленными и ленивыми. Он позволил Ци Чжоу вытащить себя из отеля и поставить посреди заснеженного пустыря.

Присев на корточки, Цзян Шоуянь спросил:

— Ты же раньше жил в Пекине, неужели там не налепился снеговиков?

Ци Чжоу смял в руках снежок и ответил:

— Сам же сказал — раньше. Сколько лет-то прошло?

За пару минут Ци Чжоу слепил маленького снеговика. Подняв голову, он заметил впереди мальчишку, который лепил снежных уточек с помощью снежколепа. Ци Чжоу выпросил у пацана парочку, поставил их перед своим творением и цокнул языком.

— Кажется, без инструментов тут всё-таки не обойтись.

Цзян Шоуянь повернул голову, взглянул на них и рассмеялся от того, какими нелепыми они вышли. Медленно разминая снежок в руках, он запоздало сообразил, что кого-то не хватает:

— А где Линь-гэ?

Ци Чжоу скривил губы:

— Занят.

Едва он произнёс это, как в кармане завибрировал телефон. Отряхнув руки от налипшего снега, Ци Чжоу сказал:

— Подожди меня немного, пойду поищу ветки, чтобы украсить это чудо.

Цзян Шоуянь и рта раскрыть не успел, как Ци Чжоу уже и след простыл. Опустив голову, Цзян

Шоуянь продолжил лепить своего снеговика. Неподалёку раздавались радостные крики людей, играющих в снежки. Для него было огромной редкостью настолько сосредотачиваться на чём-то. Так продолжалось до тех пор, пока за спиной не послышались шаги. Подумав, что это вернулся Ци Чжоу, Цзян Шоуянь, даже не поднимая головы, произнёс:

— Так быстро вернулся? Одних веток ведь мало, да? Нужно же ещё из чего-то сделать ему глаза?

Позади никто не ответил, лишь рядом на снег легла тень. Цзян Шоуянь медленно замер. В это мгновение мир словно внезапно затих. Он услышал знакомый голос, который хрипло позвал его по имени. Цзян Шоуянь моргнул, и в тот же миг всё перед глазами заволкло пеленой слёз.

<http://bllate.org/book/14908/1607902>